

девушку к себе домой и обольстил ее. Узнав о своей беременности, Наташа не сразу призналась родителям. Когда объяснение наконец произошло, разгневанный отец выгнал дочь из дома. После нелегких скитаний она оказалась в родильном приюте. Потом с младенцем на руках Наташа пошла по адресу, подсказанному перед уходом их горничной: ее тетка сдавала в подвале жилье бедным постояльцам. Главное отличие от рассказа — благополучный финал. Обитатели подвала приняли живое участие в судьбе бездомной матери: они уговорили отца простить дочь и вернуть ее в родительский дом. Кроме того, они нашли Курихина и жестоко наказали его. Лента до наших дней не дошла.¹⁹

Киносценарий и картина соответствовали канонам жанра мелодрамы. В них, безусловно, не было того, что составляло содержание рассказа, который повествует о фатально несчастной участи людей, лишь на мгновение ощутивших просветление. Они не в силах изменить свою жизнь, противостоять повседневным бедам и неурядицам. Что ожидало впереди жильцов подвала? Не случайно в финале у изголовься Хижнякова «уже усаживалась бесшумно хищная смерть и ждала — спокойно, терпеливо, настойчиво» (1, 162). Еще в 1897 году Андреев, сокрушаясь, записал в дневнике: «Возмущаются у нас деспотизмом, с криком указывают на жертв бесправия, — дурачье! Вот кто деспот, вот кто наш враг, наш убийца — жизнь проклятая. Как обессилен, как жалок человек!»²⁰

Рассказ «В подвале» — один из примеров того, как начинающий художник постигал искусство обогащения семантики незамысловатого сюжета.

¹⁹ Фабула сценария достаточно подробно была изложена в журнале «Кинематограф» (Пг., 1916. № 3. С. 15). Подробнее об этом см.: *Бабичева Ю. В., Ковалова А. О., Козьменко М. В.* Леонид Андреев и русский кинематограф // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 15. Искусствоведение. 2012. Вып. 4. С. 154–155.

²⁰ *Андреев Л. Н.* Дневник. 1897–1901 гг. / Сост., вступ. статья и комм. М. В. Козьменко. М., 2009. С. 57.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-70-84

ПЕРЕПИСКА Л. Н. АНДРЕЕВА И И. И. ЯСИНСКОГО

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© А. С. АЛЕКСАНДРОВА)

Иероним Иеронимович Ясинский (1850–1931), известный в начале XX века прозаик и журналист, одним из первых восторженно встретил вхождение Леонида Андреева в литературу, смело заявив в развернутой рецензии на дебютную книгу писателя о том, что на литературном небосводе «взошла новая звезда», «вспыхнула ярким серебристым светом над самым горизонтом и пронизала мглу Петербургского утра своими прекрасными и загадочными лучами». ¹ Рецензия произвела большое впечатление на молодого автора и стала фундаментом завязавшихся спустя некоторое время отношений.

Творческие и личные взаимоотношения Л. Н. Андреева и И. И. Ясинского, претерпевшие эволюцию от неприятия до дружбы, еще не становились предметом отдельного исследования. В научный оборот не введена также пе-

¹ *Чунов М.* [Ясинский И. И.]. Невысказанное // Ежемесячные сочинения. 1901. № 12. С. 378.

реписка двух литераторов, которую хоть и нельзя назвать интенсивной, но стоит признать крайне содержательной для историка литературы. Настоящая работа призвана восполнить существующую лакуну.

С именем Ясинского Андреев столкнулся в самом начале своего творческого пути. 15 июня 1900 года в газете «Биржевые ведомости» появилось объявление о литературном конкурсе в связи с двадцатилетним юбилеем издания. В нем сообщалось, что рукописи рассказов должны направляться в редакцию под девизами; авторам, не получившим премии, гарантировалась «совершенная тайна их имени»: «Представленные на конкурс рассказы и повести должны быть оригинальны, нигде не напечатаны и размером приблизительно в один печатный лист».² В члены жюри под председательством Д. Л. Мордовцева вошли: А. А. Измайлов, А. А. Коринфский, Вас. И. Немирович-Данченко, Е. А. Салиас, К. К. Случевский, И. И. Ясинский, С. М. Проппер и др. Победителям конкурса намечалось присудить 15 денежных премий: первая — 1000 руб., вторая — 600 руб., третья — 500 руб. и т. д.

Летом 1900 года Андреев, узнавший о конкурсе от сотрудников газеты «Курьер», где молодой автор работал фельетонистом криминальной хроники, намеревался, по совету друзей, принять участие в конкурсе и выступить с рассказом «Молчание», законченным им между 1 и 5 мая 1900 года. В августе о своем намерении он сообщил М. Горькому и В. С. Миролюбову, с которыми состоял в интенсивной переписке и советовался в отношении разных шагов, совершаемых на литературном поприще. В письме к редактору «Журнала для всех» начинающий автор разъяснял и мотивы своего решения: «Рассказ „Молчание“ — уже отделанный, послан по совету друзей в „Биржевые ведомости“, на конкурс, уж очень захотелось деньгу заработать, да и гордость обуяла».³ Однако адресаты Андреева в ответных письмах предложили отказаться от участия. Горький, всю жизнь резко неприязненно относившийся к Ясинскому,⁴ сетовал: «Обидно и горько мне, что вы посылаете свой рассказ на конкурс „Биржевых ведомостей“. Очень обидно! Нельзя ли как обойтись вам без сих терний?»⁵ Более категорично о планах молодого автора высказался В. С. Миролюбов, в ответном письме к которому Андреев вынужден был оправдываться: «Намереваясь послать рассказ на конкурс (я еще не посылал его), я совершенно не думал о том, что во главе его стоит Ясинский. Работаю я в литературе недавно, знакомство мое с литературскими репутациями очень слабо, а особенно с репутациями литераторов петербургских. Знал я, что Ясинский пишет донос, или что-то в этом роде, под названием романа „1 Марта“, знал, что он не из тех людей, которым приятно подать руку, но совершенно не знал, что он именно издает „Биржевые“. Может быть, и знал даже, да забыл, так как редко вижу „Биржевые“. Потом, уже узнав о редакторстве Ясинского, я, быть может, наивно, безусловно, отделял конкурс от его личности и был убежден, что судьями явятся почтенные литераторы, явиться перед которыми не стыдно».⁶

Негативное отношение к Ясинскому, вплоть до остракизма, закрепилось в определенных литературных кругах, преимущественно стоящих в крайней оппозиции к правящему политическому режиму. Отрицательное отношение

² См.: Биржевые ведомости. 1900. 15 июня. № 161. С. 1.

³ Андреев Л. Н. Письма к В. С. Миролюбову (1899–1907) / Подг. К. Д. Муратовой // Литературный архив. М.; Л., 1960. Вып. 5. С. 76 (письмо от 17 августа 1900 года).

⁴ Ср., например, нелюбимые характеристики Ясинского в письме Горького к Брюсову от 12 января 1901 года: «Скверно и то, что Вас похвалил И. Ясинский. Сволочь, этот И. Ясинский» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1997. Т. 2. С. 92). А также оценку 1937 года: «...он был связан с такой средой, которую можно было только презирать» (30 дней. 1937. № 9. С. 89; цит. по: *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма. Т. 2. С. 315).

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Л. Н. Андреев: Письма к В. С. Миролюбову. С. 77–78.

было вызвано общественной позицией прозаика, тесно сотрудничавшего с консервативной печатью («Русским вестником», «Русским обозрением», «Наблюдателем», «Новым временем»). Припоминали Ясинскому и публикацию его романов «Иринарх Плутархов» (1886), «Лицемеры» (1893), где в карикатурном виде выведены многие современники. А также прошедший в печати в самом начале XX века роман «Первое марта», носивший ярко выраженный охранительный, антинигилистический характер.⁷

Очевидно, в начале 1900-х Андреев, находившийся под сильным влиянием Горького,⁸ перенял его негативное отношение к редактору «Биржевых ведомостей». Но постепенно, по мере расширения литературного окружения, приобретения собственного независимого мнения, взгляды молодого автора менялись. С 1901 года у Андреева завязался эпистолярный диалог с критиком «Биржевых ведомостей» А. А. Измайловым, введенным в редакцию И. И. Ясинским и так же, как и старший коллега, в первых рядах приветствовавшим литературные начинания молодого автора.⁹ Впоследствии Измайлов стал большим поклонником Андреева, частым гостем на вилле писателя в Ваммельсуу (ныне Серово) у Черной речки и чуть ли не самым активным рецензентом его произведений. Точная дата личной встречи Ясинского и Андреева неизвестна, но, по-видимому, она состоялась во второй половине 1900-х годов, чему способствовали общий круг общения, пересечение на литературных собраниях, вечерах, театральных премьерах, а также внимательное и доброжелательное отношение Ясинского к творчеству «модного» прозаика, крайне трепетно относящегося к откликам на собственные произведения, — все это неминуемо привело к личному знакомству.

Первое зафиксированное в печати мероприятие, на котором были замечены вместе Ясинский и Андреев, относится к октябрю 1908 года: в тесном кружке писателей состоялось чтение новой пьесы «Любовь студента» («Дни нашей жизни»), среди приглашенных слушателей — И. Ясинский, И. Бунин, А. Федоров.¹⁰

Впоследствии Ясинский не раз бывал на подобных камерных вечерах.¹¹ В марте 1911 года он посетил загородный дом Андреева в Ваммелсуу по приглашению Измайлова: «Не откажитесь ли вы сегодня в расположении поехать к Леониду Андрееву в Райвола? <ныне — пос. Рошино. — А. А.> Он дома и письмом зовет меня. Мне бы было огромное удовольствие прокатиться с Вами. От Райвола недолго на чухне. Вот удобный случай поговорить с ним <...>. Если вы склонны, скажите об этом посланному. Мы могли бы съехаться или у Вас, на

⁷ Подробнее о литературной репутации И. И. Ясинского см.: *Ныльм Е.* О литературной позиции И. Ясинского в 1890-е годы // Лотмановский сборник. 3. М., 2004. С. 369–380.

⁸ Дружба двух литераторов в начале XX века воспринималась их современниками как отдельное направление в литературе, ср. на этот счет мнение З. Гиппиус, высказанное ею в письме к Б. Савинкову от 11 марта 1912 года: «Думаю, впрочем, когда мы с вами увидимся и поговорим толком, — будет ясно, к какой литературе вы тяготеете, к Горько-андреевской или нашей» («Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. статья, сост., подг. текстов и комм. Е. И. Гончаровой. СПб., 2009. С. 236).

⁹ См.: *Измайлов А.* Литературные заметки («Признанные» и молодые. Беллетристы «Жизни». «Жили-были») // Биржевые ведомости. 1901. 9 апр. № 94. С. 1.

¹⁰ См.: *Аякс [Измайлов А. А.]* Новая пьеса Леонида Андреева // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1908. 17 окт. № 10763. С. 4.

¹¹ См., например, сообщение в письме Измайлова к Ясинскому от 19 сентября 1910 года о чтении пьесы Андреева «Океан» (РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 63). См. также письмо Андреева Измайлову от декабря 1915 года: «Жду Вас и Иеронима Иеронимовича <Ясинского> к себе на тихое снежное лоно. Как тихо! Какие серебряные ночи! Какая невинность и кроткая красота небес, инея и ныряющих в снег восторженных собак! Приезжайте» (*Измайлов А. А.* Переписка с современниками / Сост., вступ. статья А. С. Александрова; предисловия, подг. текстов и прим. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грыкаловой. СПб., 2017. С. 115–116); см. также приглашение в письме от 7 апреля 1916 года (Там же. С. 125).

Бармалеевой, или прямо на Финл<яндском> вокзале». ¹² О поездке Ясинский написал подробный отчет в «Синем журнале», соединив в тексте воспоминания о собственных впечатлениях от первой книги рассказов Андреева с впечатлениями от встречи и критическим обзором творчества: «И я больше суток провел на его роскошной даче в Финляндии. Мы не ложились спать и все говорили, говорили. Раскрывались наши души друг перед другом, и Леонид Андреев водил меня по своему лабиринту, и я видел красоту и величавость кристально-ясных перспектив его духа. Я так много получил впечатлений от Леонида Андреева! — И все же не могу „описать“ его и его дом. Это была бы низменная работа в сравнении с тем, что представляет собою андреевский базальтовый лабиринт, висящий над бездною. Краски, несмотря на мою восприимчивость к ним, потускнели в моем воображении, линии стерлись. И я вижу перед собою только яркий, глубокий, точный, оригинальный и стильный ум Андреева». ¹³

На этой встрече, по-видимому, обсуждалось и только что прошедшее чествование 40-летия литературной деятельности Ясинского, состоявшееся 8 января 1911 года. Для проведения мероприятия был создан внушительный организационный комитет, куда вошли известные литераторы, художники и общественные деятели; торжество проходило в Малом зале Санкт-Петербургской консерватории.

Л. Андреев, не имеющий возможности лично присутствовать на юбилее, прислал телеграмму: «Красоте Ваших седых волос, красоте ума и сердца Вашего низко кланяюсь. Светло и радостно проведите сегодняшний день. Не люди, а сама жестокая жизнь, побежденная талантом Вашим, склонившись, приветствует Вас громогласно». ¹⁴ Это поздравление вызвало бурную негативную оценку в ряду левых прозаиков и публицистов. Наиболее острой была реакция Горького, который в августе 1911 года упрекал своего «младшего брата»: «...ты послал телеграмму Ясинскому — ох! Я не сомневаюсь, что ты не читал ни строки его писаний, таких, как „Иринарх Плутархов“, „1-е марта“ и т. д., и ты, конечно, не знал, кто в русской литературе этот грязный, злой старикашка и чего он заслуживает. Но Леонид Андреев, ласкающий Иеронима Ясинского, — это, картина мрачная. Хоть реви!» ¹⁵ Известны мотивы, побудившие Андреева выступить с поздравительной телеграммой, — уже после смерти писателя об этом вспоминал Л. Клейнборг: «Помню — среди каких-то рассуждений — он вдруг вспомнил о Ясинском. — Упрекают меня, что я послал Ясинскому поздравление по случаю его юбилея. А знаете: заметка обо мне Ясинского, — первая, какую я прочитал в печати, — сказала мне столько, сколько впоследствии не сказала вся русская литература обо мне. Ясинский, конечно, не критик, и заметка его состояла из нескольких строк. Но могу ли я не быть признательным ему? Такие вещи вспоминаются невольно». ¹⁶

С резкой критикой юбилейных торжеств выступил Вл. Кранихфельд на страницах журнала «Современный мир», ¹⁷ а также А. Пешехонов в «Русском

¹² См.: РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 65.

¹³ *Ясинский И.* Дворец Леонида Андреева: Очерк // Синий журнал. 1911. № 11 (5 марта). С. 2. Отдельные детали пребывания у Андреева в Ваммелсуу Ясинский оставил также в своих воспоминаниях: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. С. 567.

¹⁴ Телеграмма послана Ф. Ф. Фидлеру 8 января 1911 года с пометой «Для Ясинского» на адрес: Николаевская, 67 (ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 67. Л. 3). Она была опубликована и упомянута многими изданиями, освещавшими юбилей, см.: *Г. Л. И.* [Глинский Б. Б.]. Торжественное чествование И. И. Ясинского // Исторический вестник. 1911. Т. 123. Февраль. С. 704.

¹⁵ *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма. Т. 9. С. 89.

¹⁶ *Клейнборг Л.* Встречи: Леонид Андреев // Былое. 1924. № 24. С. 178.

¹⁷ *Кранихфельд Вл.* Литературные отклики // Современный мир. 1911. № 3. С. 305–319.

богатстве».¹⁸ Их ламентации стали основной темой первого известного нам письма Ясинского к Андрееву, где юбиляр пытался объясниться с популярным писателем, попавшим под обстрел критики.

Как бы то ни было, шумиха, связанная с юбилейными мероприятиями, не внесла разлада в отношения двух современников. Осенью 1913 года Андреев послал Ясинскому большое письмо исповедального характера, где рассуждал о врагах и друзьях, а также признавался старшему коллеге во «взаимной симпатии» и родственности душ.

Накануне 1916 года имя Андреева было упомянуто в фельетоне А. А. Измайлова, который рассуждал о славе Андреева и сопутствующих ей информационной шумихе, спорах и ссорах. Аналитические размышления о феномене писательского успеха критик подкрепил различными примерами из истории литературы. В свою статью Измайлов инкорпорирует разговор, состоявшийся между ним и известным в начале XX века прозаиком К. С. Баранцевичем: «Незадолго до андреевского спектакля один из маститых писателей в случайной беседе предложил мне объяснить, почему почти всякий без исключения автор, если, конечно, он не Толстой, переживает в своей жизни грань, когда он становится явно лишним и ненужным в литературе. Его чураются редакции, в нем, по-видимому, не нуждается читатель, обозревателям интереснее писать о чем угодно, только не о нем. Всегда ли дело только в том, что он устал и исписался? Не в том ли еще, что идеи и формы изнашиваются, как перчатки и ботинки, и их надо менять, чтобы быть принятым в общество. „Ведь, может быть, меня прочитали бы и даже похвалили, если бы я в свои 65 лет напечатался под псевдонимом“».¹⁹

Несмотря на то, что разговор этот не имел к Ясинскому отношения,²⁰ он принял эти рассуждения на свой счет и направил Измайлову большое исповедальное письмо, в котором разъяснил свой взгляд на положение писателя в литературном процессе, дал оценку феномену популярности Андреева: «В Вашем фельетоне об Андрееве — я ведь только читаю литературную страницу „Биржевых Ведомостей“ <...> есть несколько строк, касающихся „шестидесятилетнего писателя“. Если это я, то позвольте восстановить, дорогой товарищ, точный смысл нашей беседы.

Речь шла о том предмете, о каком пишете Вы, но мною было сказано по этому поводу следующее (приблизительно); а если не сказано и недосказано, то надо было сказать:

Сенсационная погоня за новыми именами и новыми вещами, хотя бы перекроенными из старых, сделала то, что публике — роди да подай новых знаменитостей; а газетные издатели не знают, где их добыть, потому что они не Салтыковы, не Некрасовы и даже не Катковы и не Дудышкины; не Волынские и, наконец, не Миролубовы (беру минимальную литературность); в таком же трагическом положении находятся и теперешние толстые журналы и тонкие: нет вкуса, нет нюха, нет литературности. Критики вздувают понево-

¹⁸ Пешехонов А. На очередные темы: Волна пошлости // Русское богатство. 1911. № 3. С. 86–111.

¹⁹ См.: Измайлов А. А. Темы и парадоксы: Укус и желчь писательства // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 7 дек. № 15255. С. 2.

²⁰ Имя 65-летнего писателя прояснилось в письме Измайлова к Ясинскому от декабря 1915 года: «Писатель, дословно сказавший мне то, что у меня написано — К. С. Баранцевич, утверждавший это в связи с тем, что М. М. Г<аккебуш> решительно противится иметь его имя в газете. Как пример человека, к<ото>рый совершенно может не считаться с охлаждением новых поколений, он, по благоприятной случайности, указывал именно на Вас, в чем я к нему всецело присоединяюсь. Его мысли я попросил позв<олить> изложить, — он позволил. <...> Вы вообще никогда не можете говорить с той горечью о себе, с какой может К<азимир> С<таниславович> Б<аранцевич>» (РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 53–54 об.).

ле второстепенные и третъестепенные имена, лишь бы от них пахло новым лаком. Когда пройдет несколько лет, и вы оглянетесь назад, вам жутко станет, о каких анафемских бездарностях вам приходилось писать и какие ничтожества иногда взвинчивать, чтобы чем-нибудь щегольнуть. Трагедия Андреева, конечно, заключается, главным образом, в том, что, живя в наше крайне несправедливое время, он как бы не получает должной оценки. Однако же, он очень неровен, и у него, рядом с великими вещами, есть жалкие. Литературные собаки начинают замалчивать великие вещи его, а набрасываются на мелкие и написанные для денег. Ведь это же ужасно, но это верно, что Андреев тоже пишет для денег, и притом не газетные статьи, а драмы и комедии. Тем не менее, положение Андреева принадлежит к завиднейшим.

Все же он король, и жаловаться королю на то, что на него сочиняют пасквили, рисуют карикатуры и ругают на площадях извозчики, факельщики и либеральные сутенеры, не очень-то пристало, как не пристало спускаться до пивных и проповедовать там с королевским пафосом о необходимости воспеть войну.

Бывает время хуже. Наступает оно тогда, когда вспыхивает тускло горевшая лампада перед концом и начинает ярко сиять и метать вокруг себя голубые и красные искры. Истинное дарование никогда не исписывается, это ерунда. Оно может погаснуть, как погасли в свое время Толстой и Тургенев, Достоевский. Но истинное дарование идет неуклонно по своему пути, становится с каждым годом все глубже, проникается в самые великие тайники искусства и мысли. Когда лампадой восторгаются, она еще далеко не достигла предопределенной ей Богом яркости. Я жду от лампады Андреева пожара! Но теперь о нем написаны целые книги, прочитаны миллионы лекций, о ничтожнейшей статейке его делаются анонсы за неделю. Ничего подобного не знал даже Тургенев. А вот, когда после некоторого угашения лампады, на переломе таланта, на грани, отделяющей одну полосу литературной жизни от другой, на перевале высшей мудрости, озаряющей талант писателя перед концом его деятельности, лампада эта начнет новую вечную фазу своего полносияния, как тогда встретят ее? Захочет ли легкомысленная толпа воспринять хоть несколько лучей ее или же лихорадочно станет перебирать листы уже посмертной славы писателя, как стала она перебирать романы Достоевского, которого она при жизни обходила с обидным равнодушием, превознося ничтожных Боборыкиных!»²¹

Несколько деловых писем, публикуемых в настоящей подборке, относятся к 1916 году. В основном они касаются переговоров относительно публикации пьесы Андреева «Реквием» в литературном сборнике «Страда», редактором и составителем которого был Ясинский.

Важный биографический материал содержится в письме Ясинского к Андрееву, относящемся к декабрю 1916 года. Здесь критик одобительно отзывался о работе Андреева на посту заведующего литературно-критическим отделом газеты «Русская воля» и сетовал на нерасторопность С. М. Проппера — редактора и единоличного владельца газеты «Биржевые ведомости», не сумевшего привлечь Андреева в штат издания. Этот сюжет отражен в мемуарах Ясинского, где приведены дополнительные подробности: «Тут произошло еще маленькое осложнение, о котором не мешает упомянуть. „Биржевые ведомости“ настолько уже стали влиятельной газетой, что министр Протопопов хотел во что бы то ни стало <...> сделать ее своим органом. По некоторой дальновидности, а главным образом принимая в соображение настроение своих

²¹ ИРЛИ. Ф. 155. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 23–26 (письмо И. И. Ясинского к А. А. Измайлову от 8 декабря 1915 года).

сотрудников, Проппер отказался. Но тогда была выдвинута против „Биржевых ведомостей“ тем же Протопоповым следующая махинация. За подписью экономиста Кауфмана, Леонида Андреева и некоторых других видных литераторов и научных работников должно было появиться в „Речи“ и в других газетах протестующее против Проппера письмо. Проппер испугался и аннулировал письмо в зародыше, сделав блестящее литературное предложение Леониду Андрееву, как наиболее яркому представителю буржуазного социализма. Письмо не появилось, удар был отведен, и Андреев, соблазненный Проппером, явился в редакцию „Биржевых ведомостей“. Он провел у Проппера день, вечер и ночь. Но хитрый издатель уже нашел, что после того, как Андреев отказался от своего протеста, ухаживать за ним ему нет расчета. Соглашение его с Леонидом Андреевым не состоялось. Тогда Протопопов перемалил Андреева к себе в „Русскую волю“».²²

Ясинский также упоминал о поступившем ему предложении сотрудничества в «Русской воле» из-за желания редактора новоорганизованного печатного органа «отомстить Пропперу». Эта информация, как и многие «факты» из мемуаров Ясинского, требует дополнительных подтверждений.

После Октябрьской революции идеологические воззрения Ясинского и Андреева на произошедшие в стране события кардинально разошлись. Ясинский открыто заявил о поддержке большевиков и своей готовности участвовать в строительстве советского государства. Андреев занял непримиримую к «строителям новой жизни» позицию, при этом его отношение к Ясинскому не сильно изменилось.

Сразу же после событий Октября 1917 года Ясинский вновь попал в скандальную ситуацию. В «Известиях ЦИК» вышла статья А. В. Луначарского «Сретение», в которой были приведены слова Ясинского из частной беседы, состоявшейся в Зимнем дворце: «Я стар и скоро умру. Но глаза мои видели зарю нового мира. Как бы ни прожил я мою жизнь, знаю одно: я умру счастливым, видя победу настоящей свободы. Я хотел бы в последние годы служить всеми силами восставшему народу в его решающей борьбе».²³

Появление этой статьи вызвало большой резонанс в профессиональной среде, причем Ясинского ругали и левые, и правые: первые не могли ему простить прежних охранительных и консервативных взглядов, его антиингилистические романы, последние — его ренегатство, совершившееся столь стремительно. Писатель «скверной репутации» (М. Горький), «новый апостол большевизма» (Л. Неманов), «старая рептилия», вползшая «в окровавленный пролом Зимнего Дворца» (В. Г. Короленко), «политический фарисей» (И. Книжник),²⁴ «перевертень, закоренелая в продажности сабля» (А. В. Амфитеатров)²⁵ и пр. — современники не стеснялись в выражениях и были единодушны в своих оценках. Между тем Андреев, судя по его дневниковой записи от 31 июля 1918 года, снисходительно отнесся к новым политическим взглядам Ясинского, отметив: «...с каким восторгом вся эта стая, включая и самого Горького, принялась за травлю старика Ясинского, когда он бескорыстно, наивно и неосторожно похвалил большевиков...».²⁶

²² Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний. Т. 1. С. 681–682.

²³ Луначарский А. Сретение // Известия ЦИК. 1917. 17 нояб. № 228. С. 3.

²⁴ Выдержки из откликов см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События, отзывы современников, библиография: [В 6 т.] / Сост.: Л. Е. Борисовская, О. В. Быстрова, А. Ю. Галушкин (отв. ред.) [и др.]. М., 2005. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград, 1917–1920 гг. С. 71.

²⁵ Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: В 2 т. / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. И. Рейтблата. М., 2004. Т. 2. С. 212.

²⁶ Андреев Л. Н. S.O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919) / Вступ. статья, сост. и прим. Р. Дэвиса и Б. Хэлмана. М.; СПб., 1994. С. 113.

Уже после смерти Андреева, в 1926 году, были опубликованы воспоминания Ясинского, где отдельная глава была посвящена его сопряжениям с младшим коллегой. Эти мемуары сохранили несколько важных биографических подробностей, в целом же глава об Андрееве — малосодержательна. В ней практически нет сведений о литературных контактах до 1916 года — лишь упоминания об отдельных встречах, без каких-либо подробностей. Ценными нам представляются малоизвестные факты, касающиеся вхождения Андреева в редакцию газеты «Русская воля», о переговорах с Протопоповым и Проппером, впрочем, их изложение в «последнем романе» Ясинского содержит неточности, на которые после выхода мемуаров в свет указывали рецензенты.²⁷ В очерке об Андрееве обращают на себя внимание не столько отдельные факты, сколько идеологические оценки и ярлыки, данные Ясинским своему современнику, до самой смерти относившемуся к нему с большим сочувствием. Наиболее обстоятельную отповедь мемуарист получил от П. М. Пильского, яркого журналиста и критика, бок о бок работавшего и с Ясинским в «Биржевых ведомостях», и с Андреевым в «Русской воле». В рецензии с показательным заглавием «Роман лицемера», отсылающим к одному из романов Ясинского, Пильский отмечал: «Без чувства брезгливости нельзя читать и эти неискренние упреки Андрееву в том, что он „превратился в социал-патриота“ и (о, ужас!) „стал восхищаться бельгийским королем“. Это тем нежиданнее, что сам Андреев относился к Ясинскому очень благожелательно <...>. Откуда же перемена, откуда это позднее коварство?»²⁸

Письма Ясинского в фондах Андреева не сохранились и публикуются по копиям из архива Ясинского (РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 295; ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. Ед. хр. 2); эти корреспонденции не содержат подписей. Нами также учтены 3 письма Андреева Ясинскому (ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 67; РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 404) и одно — супруги писателя А. И. Андреевой (РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 406).²⁹

1

И. И. Ясинский — Л. Н. Андрееву

<Март 1911 года>

<Дорогой Леонид Николаевич,>

Я хотел вот что написать (длинное письмо я уничтожил, чтобы не отнимать у Вас времени).

«Русское Богатство» и отчасти «Современный мир»¹ так обособленно и arrogantно² держат себя в литературном мире, а с другой стороны, так выросла потребность общения и так называемой внепартийности — т. е. слияния всех мало-мальски левых партий в единое целое, чтобы быть сильнее — есть такое,

²⁷ Ср. у Пильского: «Он лжив в суждениях, но злостно неточен и в своих фактических свидетельствах. Неправда, будто Леонид Андреев продался Протопопову за 60 000 (Андреев получал за редактирование литературного и театрального отдела вместе с оплатой всего им написанного 3000 р. в месяц — свой нормальный гонорар: Андрееву везде платили за строчку 1 рубль и даже 1 р. 50 коп., а в „Русской воле“ он работал добросовестно и много)» (цит. по: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний. Т. 2. С. 186).

²⁸ Цит. по: Там же. С. 187.

²⁹ Не включено в настоящую подборку типовое, отпечатанное на машинке, письмо на бланке Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам за подписью Измайлова и Андреева с просьбой принять участие в лотерее в пользу солдат. Благотворительное мероприятие состоялось в Петрограде в оперном зале Народного дома 24 марта 1916 года (см.: *Измайлов А. А.* Переписка с современниками. С. 213–214).

подсознательное пока, органическое стремление к сплоченности у нас, когда уже тошнит от партийной узости, что литературная братия ухватилась за мой юбилей, как за опущенную в рассол нитку хватаются кристаллики, чтобы образовать большой кристаллический агломерат. Когда же юбилей «удался» — и я, разумеется, не себе приписываю удачу, а этому историческому тяготению литературной стихии к кристаллизации — историческому, т. е. уже неудержимому — «Р<усское> б<огатство>» и «Совр<еменный> м<ир>» после ряда предварительных бурных заседаний (как мне известно) решили выступить против «волны пошлости». В целях гегемонии им бы самим надо было вмешаться в эту игру, и у них был предлог — юбилей Короленки;³ но они не поняли момента, а я с величайшим наслаждением устранился бы от роли «объединителя». И вот, когда все это стало ясно, поднялась травля через три месяца, чтобы подорвать показавшийся неожиданным успех течения, обошедшего «Р<усское> б<огатство>» и «Совр<еменный> м<ир>»; тем более, что, как ни прискорбно мне это отметить, в процесс кристаллизации были втянуты, действительно, и уличные, в полном смысле слова, элементы. Не называю имен. В большом движении это всегда бывает.

Разумеется, никакого заговора против «Р<усского> б<огатства>» и «Совр<еменного> м<ира>» не было. В данном случае они являются заговорщиками и метнули бомбы, начиненные не одним динамитом... Я ни в чем не оправдываюсь, я не обеляю себя, и никого не виню и не черню. Но пущены были в ход негодные средства и заржавленные от лет будочнические алебарды.⁴ И я не могу отделаться от чувства стыда за Пешехонова, из-за которого я еще недавно ссорился с Розановым.⁵

РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 295. Л. 1–3. Датируется по содержанию.

¹ Речь в письме заходит о статьях А. Пешехонова и Вл. Кранихфельда в журналах «Русское богатство» и «Современный мир», выступивших с резкой критикой юбилейных торжеств, посвященных 40-летней литературной деятельности Ясинского: *Пешехонов А.* На очередные темы: Волна пошлости // Русское богатство. 1911. № 3. С. 86–111; *Кранихфельд Вл.* Литературные отклики // Современный мир. 1911. № 3. С. 305–319. Подробнее см. во вступ. статье. Обе статьи имели большой резонанс в литературных кругах. Отповедь Пешехонову см. в фельетоне Д. Философова «Волна пошлости», впервые опубликованном в журнале «Русская мысль» (1911. Кн. V. С. 16–19) (см. в книге: *Философов Д. В.* Критические статьи и заметки 1899–1916 / Сост., предисловие и прим. О. А. Коростелева. М., 2010. С. 412–416).

² Высокомерно, надменно.

³ В январе–феврале 1911 года отмечался 25-летний юбилей литературной деятельности прозаика, журналиста и правозащитника В. Г. Короленко (1853–1921).

⁴ Выражение восходит к фельетону М. Е. Салтыкова-Щедрина «Литературные будочники» (1863).

⁵ В 1910 году В. В. Розанов в ответ на критику своей книги «Когда начальство ушло...» (СПб., 1910) и обвинения в «двурушничестве» ответил статьей «Открытое письмо А. Пешехонову и вообще нашим „социал-сутенерам“», выдвинув против редактора «Русского богатства» серьезные обвинения: «Японские иены, финские марки, германские марки, австрийские кроны, английские стерлинги: какие из этих монет не звучали в ваших карманах, когда вы продавали родину...» (Новое время. 1910. 15 дек. № 12487. С. 5). Реакция Ясинского на этот инцидент подробно изложена им в мемуарах: «...вдруг появилась его (Розанова. — А. А.) статья в „Новом времени“ о том, как „Русское богатство“ было подкуплено японцами, которые заплатили народным социалистам, работающим в этом органе, 100 тысяч рублей. Такой извет или донос на „Русское богатство“ <...> показался мне <...> крайне гнусным. Я при встрече с Розановым объявил ему, что дальнейшее сотрудничество его в „Новом слове“ не может быть терпимо и по какой именно причине. <...> До последнего времени я считал, что Розанов просто клеветник. Но вот в „Былом“ в 1917–1918 годах были напечатаны воспоминания Бориса Савинкова. Он <...> между прочим, упомянул, как о факте неоспоримом, о 100 тысячах, полученных сотрудниками „Русского богатства“ за статьи против войны и за соответствующую революционную пропаганду в стране» (*Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний. Т. 1. С. 565–566).

2

Л. Н. Андреев — И. И. Ясинскому

Дорогой Иероним Иеронимович!

Сердечное спасибо за добрую память. Хоть никакого юбилейного значения эти 15 лет к счастью не имеют, но мне было приятно получить приветствие от человека, который видел *начало* и так сильно поддержал тогдашнего юнца своим определенным и светлым словом.¹ И невольно захотелось подвести итоги... но Бог с ними, с итогами. Умер — тогда виднее будет людям.

Часто и с большой приязнью, чувством, неизменно добрым думаю и вспоминаю о Вас. Несколько раз собирался и писать Вам, но не мог: нынешний год я чувствую себя плохо, устал как-то чрезвычайно, живу на низких нотах и ничего не пишу — даже писем. Вот на днях уйду в шхеры, опять слюбуюсь с морем: единая моя любовь сверх-житейская и покой. Может, буду еще в СПб., тогда непременно загляну к Вам, если не обеспокою.

Желаю Вам всего доброго и надеюсь на скорую встречу.

Ваш Леонид Андреев
30 апреля 1912

ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 67. Л. 1. Машинопись. По-видимому, ответное письмо на поздравление Ясинского с 15-летием литературной деятельности. Дебютом Андреева современники считали публикацию рассказа «Баргамот и Гараська» в 1898 году.

¹ Речь идет о статье Ясинского: *Чуносков М.* [Ясинский И. И.]. Невысказанное // Ежемесячные сочинения. 1901. № 12. С. 378–384.

3

Л. Н. Андреев — И. И. Ясинскому

Дорогой Иероним Иеронимович! Вот письмо, которое выстукиваю на машинке, а пишу сердцем. Ваши милые, ласковые и такие душевно добрые строки из больницы¹ тронули меня сильно, взволновали радостной неожиданностью своею. И не то чтобы именно от Вас я этого не ожидал, а вообще не ждалось, как давно уже не ждется ничего доброго: сила несметная злобы и раздражения окружает меня. Вероятно, я сам виноват, но факт тот, что нет у меня друзей ни в литературе, ни в жизни — торчу один, как перст из прованной перчатки на морозе.² И сам ж<е> я, должно быть, виноват, но факт тот, что есть много людей на свете, которые искренне ненавидят меня, желают мне зла, вероятно, рады будут, если я заболею и умру. Иногда я это во сне вижу, а на яву чувствую непрестанно, живу точно в комнате, отравленной светильным газом. И если я еще догадываюсь, почему нет у меня друзей, то существование и даже обилие «врагов» мне совершенно непонятно, удивляет меня, как внезапная сыпь на теле или что-нибудь в этом роде; какой-то сон, чудовищно нелепый, зародившийся где-то в желудке или идущий от седалищного нерва. Мое сознание тут ни при чем.

И Ваше письмо прорвало светящуюся дырочку в этой темной завесе, намекнуло на какие-то иные возможности. И я верю, но совсем мне трудно представить: как это посторонний человек, ничего от меня не видевший, вдруг так хорошо — необыкновенно и даже незаслуженно хорошо отнесся ко мне. Мне, напр<имер>, кажется, что теперь Вы уже должны были раскаяться в написанном. Это пустяки, конечно, мнительность и капризы психики, но это же насколько дорога мне Ваша память и такая доброта. Очень возможно, что воспоминание обо мне, такое дорогое, было отчасти вызвано тем

особенным чувством, к<ак>ое называется «взаимной симпатией» — тогда я хоть что-нибудь понимаю и начинаю верить всерьез. А это правда, что во все время, как я Вас знаю, я чувствую к Вам неизменное и хорошее что-то: затрудняюсь назвать словом. В крупности Вашей, в широком размахе, с каким творила Вас природа, есть что-то и печальное, как бы намек на какой-то плен и узы; и это печальное крепко роднит меня с Вами... вероятно, на том свете мы будем очень много с Вами разговаривать. А пока очень хочу поговорить и на этом.

То о себе, что я вам пишу, я не говорю никому, даже брату и разве только жене, и оно очень мрачно. Вот Вы так лестно пишете мне, а я давно уже пребываю в чувстве, что как писатель я никому не нужен и даже мешаю. Стать же для нашего брата ненужным — это значит получить расчет и паспорт от жизни: куда же идти? Жена бранит меня за это чувство, сила, которую я в себе чувствую, противоречит ему — а воздух вокруг отравлен, и сны отравлены, и порою нечем дышать. Вероятно, так сейчас чувствуют себя и те хорошие евреи, которые ничего не сделали, и вдруг поставлены под какое-то ужасное подозрение, под тень от облака, неведомо куда и откуда идущего. Как доказать, когда не хотят верить?³

Знаю о Вашем выздоровлении и всей душой радуюсь ему. Когда будете совсем здоровы, позовите меня. Пока же крепко жму руку Вашу.

Ваш Леонид Андреев.
22 окт<ября> 1913.

ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 67. Л. 2—2 об.

¹ Осенью 1913 года Ясинский, страдающий желчекаменной болезнью, перенес операцию в Максимилиановской больнице (ул. Декабристов, 1—3). Об этом подробнее см. в его воспоминаниях: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни. С. 624—625.

² Общее настроение письма сопряжено с информационной атакой на писателя, связанной с отказом сначала Московского Художественного театра, а затем Александринского театра от постановки новой пьесы драматурга — «Не убий». В прессе перепечатавались слухи о том, что в произведении выведен Г. Распутин, что и послужило причиной отказа театров в постановке. В потоке негативных статей, направленных против Андреева, лишь Измайлов (по согласованию с драматургом) поддержал его заметкой «Театр с потайной пружиной: „Не убий“ Л. Андреева», отчасти сбившей поток нелицеприятных корреспонденций (см. об этом: *Измайлов А. А.* Переписка с современниками. С. 94—95).

³ По-видимому, Андреев выражает свое отношение к «делу Бейлиса», судебный процесс над которым проходил в Киеве 23 сентября — 28 октября 1913 года.

4

И. И. Ясинский — Л. Н. Андрееву

Дорогой Леонид Николаевич,

Конечно, немедленно прочитал.

Впечатление такое: зловеще играют тусклые лучи заходящего солнца, потом вдруг темнеет. Становится до ужаса мрачно. Кружатся летучие мыши. Выходят из скопления мрака, несмотря, однако, на окружающую темноту, четко очерченные и отличные друг от друга, черные как уголь призраки с фосфорическими глазами, а некоторые только с фосфорическими искрящимися волчьими зубами, тоскуют, не находят себе места, почти безумные, но какие-то логические призраки — поглощают все мое внимание, так, что я уже не могу шевельнуться и с замиранием сердца слежу за гениальным бредом мгновения. Живет оно странной жизнью, и машет, машет своими крыльями ночи, и дремлет ум, а бодрствует только глубина какого-то наэлектризованного

ощущения. Самое обыкновенное в этом сумраке и мраке становится необыкновенным и фантастическим. Женщина в большой шляпе с мокрыми перьями только появилась, и уже я вздрагиваю. Все здешнее и потустороннее. Впечатление сильное *credo quia absurdum*.¹

Вот моя рецензия на «Собачий Вальс».² Если бы я был Измайловым или Айхенвальдом,³ я бы написал, может быть, удовлетворительнее и пространнее. Но мы живем в такое кошмарное время, рождающее такие ужасы, что нет возможности холодно смотреть и рассуждать, когда трепещут нервы и болят. Правда, на эту тему о поэтическом кошмаре, продолжаемом кошмарной современностью, тоже можно было бы поговорить. Но это уже тогда, когда пьеса будет поставлена. А она должна быть поставлена. Художественный театр осрамится, если не поставит.

Спешим вернуть вам рукопись. Но Вы обещали дать ее Марьянову.⁴ Рукопись поэтому передаю Марьянову и считаю необходимым ответить, что она в том же безупречном состоянии передана ему мною, в каком получена от Вас.⁵ Ни единого пятнышка и ни единого сгиба.

Сердечно обнимаю Вас, Ясинский.
17 сент<ября> 1916.
Петербург, Головинская 9.

ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1–2.

¹ Верую, ибо абсурдно (*лат.*). Выражение восходит к сочинению Тертуллиана «De Carne Christi» («О плоти Христа»).

² Андреев работал над пьесой «Собачий вальс» в 1913–1916 годах. По-видимому, автор просил Ясинского о небольшой рецензии для представления пьесы во МХАТе. Текст драмы был отслан Вл. И. Немировичу-Данченко, но постановка не состоялась. Андреев видел в своем произведении «потайной и жестокий смысл трагедии, отрицающей смысл и разумность человеческого существования» (Письма Л. Н. Андреева к Вл. И. Немировичу-Данченко и К. С. Станиславскому (1913–1917) / Публ. и комм. Н. Р. Баталовой и В. И. Беззубова // Труды по русской и славянской филологии. XVIII: Литературоведение. Тарту, 1971. С. 282 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 266)).

³ Подразумеваются Александр Алексеевич Измайлов (1873–1921) и Юлий Исаевич Айхенвальд (1872–1928).

⁴ Марьянов Давид Иоаннович (1889–?) — в 1916 году секретарь общества «Страда». После Октябрьского переворота работал в Наркомате просвещения у А. В. Луначарского, был членом коллегии Наркомпроса.

⁵ Речь идет о рукописи пьесы «Requiem», предназначавшейся к публикации в сборнике «Страда» (Пг., 1917. Вып. 2. С. 7–34).

5

И. И. Ясинский — Л. Н. Андрееву

Дорогой Леонид Николаевич,

Марьянов сообщил мне, что рукопись им доставлена Вам, а Вы нашли в ней много описок. Хотелось бы получить рукопись из Ваших рук, а посему я бы зашел к Вам за нею во вторник может быть, тоже часов в 8 вечера с Вашего разрешения.

19/IX <1>916

РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 295. Л. 5.

6

А. И. Андреева — И. И. Ясинскому

Милый Иероним Иеронимович!

Л<еонид> Н<иколаевич> посылает рукопись для набора, а через 3 дня я пришлю Вам настоящую. Кроме ошибок в словах, кот<орые> наход<ятся> в изобилии в посылаемой рукописи, там переименовано и *начертание*, а Л<еонид> Н<иколаевич> хочет сохранить его в точности с оригиналом.

Всего доброго! Анна Андреева.
19 сент<ября> <1>916 г.

РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 406. Л. 1.

7

Л. Н. Андреев — И. И. Ясинскому

11 окт. <19>16 г.

Дорогой Иероним Иеронимович!

Сорвал бандероль и надписал другую по Вашему адресу. Сегодня еду в Москву, вернусь через неделю. Конечно, предоставляю Вам писать и о «Requiem» и о собачках.¹ По-видимому, они многих смущают и приведут в крайнее недоумение. Крепко жму Вашу <руку>. «Requiem» надо типографски скопировать с моего экземпляра.

Ваш Л<еонид> А<ндреев>.

РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 404. Л. 1. На почтовой карточке: «Здесь. Головинская 9. Иерониму Иеронимовичу Ясинскому».

¹ По-видимому, Ясинский собирался написать рецензию на пьесы Андреева «Собачий вальс» и «Requiem». Отзывы не выявлены. В архиве критика сохранился фрагмент рецензии, по-видимому не прошедшей в печати из-за революционных событий февраля–марта 1917 года и посвященной второму выпуску сборника «Страда». Рецензия начинается с критического отклика на пьесу Андреева «Requiem» (см.: РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 271). Упоминание пьесы «Requiem» см. в небольшой заметке Ясинского «Накануне», где отмечается выход сборника «Страда» (Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 2 июля. № 16314. С. 7).

8

И. И. Ясинский — Л. Н. Андрееву

<Вторая половина декабря 1916 года>

Дорогой Леонид Николаевич,

Прочитал Ваши статьи в «Русской воле».¹ Конечно, превосходно и благородно, а ответ Милюкова слаб.² Вы та благородная душа, которою жива газета. Но фельетоны Амфитеатрова дурного тона.³ Известность Амфитеатрова покоится не на тех основаниях,⁴ на каких создалась Ваша слава. Он остался верен себе и в «Русской воле». По-моему, совсем не надо было ему трогать Протопопова. Просто ограничиться надо было, что Протопопов, со дня назначения министром, в газете не принимает никакого участия, а поднес ему икону Горелов не как редактор, а как личный друг.⁵ А то ведь вышло неловко: Протопопов устроил газету, а его изругали. Стихи с «дураками» неприлич-

ны.⁶ Яд должен быть тоньше. Это ведь не «Маленькая газета» Евгения Венского.⁷ Точно так же в передовой газете неприлично было заявлять во всеуслышание о своей набожности.

В общем, газета хорошая, потому что Вы там, и ее совсем не было бы, если бы Пропшер тогда послушался меня и не сыграл бы «назад» в тот дурацкий вечер.⁸ Но горбатого могила исправит. Он и до сих пор не может понять, что дело газетное тогда только преуспевает, когда оно обставлено литературными силами. Умышленно ведет газету в серых тонах. Профессора разводят скуку, а малодаровитые репортеры возведены в передовики и фельетонисты, соперничают друг с другом в банальной фразеологии, и рука моя редко поднимается теперь на «Биржевые ведомости» — и не пишется.

Вообще был бы счастлив, если бы можно было на закате дней совсем не работать в газетах.

Ах, дорогой Леонид Николаевич, о многом хотелось бы переговорить с Вами, о самом душевном и духовном.

Уезжаю в Финляндию на несколько дней и может, свидимся, когда возвращусь.

Сборник с «Реквием<ом>» выйдет в первых числах января 1917.⁹

РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 295. Л. 6–8. Датируется по содержанию.

¹ Речь идет о статьях в первых выпусках газеты «Русская воля». В первую очередь подразумевается «Открытое письмо гг. членам Гос. Думы» Л. Андреева, где он отвечает на обвинения, выдвинутые против газеты. Андреев, в частности, писал: «Когда г. Пуришкевич с трибуны Государственной Думы бросил обвинение, что „Русская воля“ издается на немецкие деньги и группа русских писателей, — я в том числе, — куплены немцами, будет отстаивать их интересы, что есть измена перед отечеством, — вся Дума молча, без единого возражения приняла слова. Когда в следующем заседании г. Марков 2-й, перечислив наши имена — мое в том числе, — назвал всех нас „прохвостами“ <...>, вся Дума также молча приняла это слово. <...> Так реагировала Государственная Дума на обвинение в измене и на грубое оскорбление группы русских писателей». В этом же открытом письме Андреев обратился к П. Н. Милюкову (1859–1943), руководителю кадетской фракции IV Государственной Думы: «Вы, уважаемый Павел Николаевич Милоков, написавший столь превосходную историю культуры в России, к каким явлениям русской культуры отнесете вы ваше молчание в ту минуту, когда Пуришкевич обвиняет русских писателей в измене и подкупе? <...> Ведь вы — также русский, Павел Николаевич, и не думаю, чтобы вы нуждались в нарочито сочиненном *стыде*, помимо того естественного, которым всех нас наградили Сухомлиновы и другие, имена которых вам и Европе достаточно известны» (Русская воля. 1916. 15 дек. № 1. С. 4–5).

² «Открытое письмо» Андреева вызвало отклик П. Н. Милюкова «По поводу письма Леонида Андреева», где, в частности, сообщалось: «Мне было, Леонид Николаевич, очень горько, — я должен в этом признаться, — когда я увидел вас в этой куче. Это прискорбное обстоятельство, вероятно, и лишило меня того патетического отношения к вашей защите, которого вы требуете. Умейте нести последствия ваших поступков, Леонид Николаевич, и защищайтесь уже сами от результатов того неприятного соседства, в котором вы, по-видимому, чувствуете себя совсем недурно» (Речь. 1916. 16 дек. № 346. С. 2).

³ А. В. Амфитеатров принимал участие в «Русской воле» с момента основания газеты. В первом номере был опубликован его фельетон «Этюды» с критикой в адрес А. Д. Протопопова (1866–1918), последнего министра внутренних дел Российской империи и инициатора издания. Амфитеатров, в частности, писал: «Имя А. Д. Протопопова, случайно связанное с первыми проектами и начинаниями той безвинной газеты, которая впоследствии — и уже много после того, как всякая связь между нею и г. Протопоповым была порвана, — получила, по моему предложению, имя „Русской воли“, принесло этой газете столько незаслуженных оскорблений, зла, горя, клевет и всяческого в чужом пиру похмелья, что, именно по этой слишком изобильно накопившейся горечи, я не хочу останавливаться подробно на актах деятельности г. Протопопова, которую нельзя определить иначе, как бурным самоуничтожением» (Амфитеатров А. В. Этюды // Русская воля. 15 дек. № 1. С. 4–6). Ясинский считал, что публикация этой статьи была согласована с Протопоповым, ср.: «С Протопоповым связался Амфитеатров и пошел в компанию к нему Леонид Андреев. Хотя, с разрешения Протопопова, Амфитеатров напечатал в „Русской воле“ статью, в которой не особенно одобрительно отзывался о своем же хозяине, тем не менее на газету легла уже тень, какая вообще ложится на официозные органы» (Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний. Т. 1. С. 568).

⁴ Намек на фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы», напечатанный в 1902 году в газете «Россия» (13 января), в котором высмеивались члены династии Романовых. После публикации фельетона Амфитеатров был сослан в Минусинск и приобрел всероссийскую известность.

⁵ Гаккебуш Михаил Михайлович (псевд. М. Горелов; 1874–1929) — публицист, до 1916 года фактический редактор «Биржевых ведомостей», из-за конфликта с С. М. Проппером перешел в «Русскую волю».

⁶ Имеется в виду сатирическая баллада Амфитеатрова «Perpetuum mobile» («Жил да был министр-дурак...»), опубликованная в цикле «Министерские мелодии», см.: Русская воля. 1916. № 2. С. 2.

⁷ Подразумевается известный сатирик Евгений Венский (наст. имя Пяткин Евгений Осипович; 1885–1943). С 1910 года являлся постоянным сотрудником изданий сатирической направленности — «Сатирикона», «Нового Сатирикона» и «Маленькой газеты». Владелец «Маленькой газеты» был А. А. Суворин. Подробнее об этом издании см.: *Колоницкий Б. И.* «Маленькая газета» и «маленькие люди» Петрограда в эпоху революции: Периодические издания А. А. Суворина в 1917 году // *Личность, общество и власть в истории России: Сборник научных статей, посвященный 70-летию доктора исторических наук, профессора В. И. Шишкина.* Новосибирск, 2018. С. 191–207.

⁸ Речь идет о переговорах с Андреевым, в рамках которых ему была предложена штатная должность в «Биржевых ведомостях». Переговоры не увенчались успехом. Подробнее см. в воспоминаниях Ясинского: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний. Т. 1. С. 568, 680–682.

⁹ Реквием: Пьеса в 1 д. // *Страда: Литературный сборник.* Пг., 1917. Кн. 2. С. 2–34.